

ко они затрагивали основы административной системы и появлялись ростки демократии и рыночных отношений

Из вышесказанного следует, что в годы Советской власти Кыргызстан добился больших успехов, в первую очередь, это возрождение Кыргызской государственности, экономические и политические преобразования, возрождение национальной культуры и приобщение к мировой культуре. Однако вместе с тем довлеет тоталитарное прошлое, социальное иждивенчество, надежда на доброго руководителя (президента), крайне трудная адаптация к рыночным условиям, идеологическая путаница или даже отсутствие идеологии как таковой. Последнюю проблему удачно подметил французский политолог Ги Сорман: сегодня постсоветские государства вышли из коммунизма, но значит ли это, что коммунизм вышел из конкретного человека этих стран? [см. 4]

Следовательно, нам предстоит сделать очень много, чтобы в результате длительных и постоянных усилий большого отряда обществоведов формировать, культивировать идеи свободомыслия. Здесь огромную роль должна сыграть историческая наука, и одной из ее задач, по мнению знаменитого экономиста Дж. М. Кейнса, является "освобождение мысли". История идей – школа мысли, пройти эту школу – значит не только расширить наши знания, но и укрепить свободу мысли. С другой стороны, историческая наука, наряду с другими общественно-политическими дисциплинами, продолжает играть значительную роль в формировании нового поколения, продолжая оставаться "учительницей жизни". Об этом говорит тот факт, что, по рейтинговой таблице ЮНЕСКО, история занимает *четвертое место* среди современных наук [5] и достойно участвует в формировании интеллектуального уровня подрастающего поколения.

Литература

1. Поппер К. Открытое общество и его враги. Пер. с англ. – В 2 т. – Т. 2. – М., 1992. – С. 300.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Пер. с франц. – М., 1995. – С. 269.
3. Алымкулов Н.А. "Аппарат для политики". – Бишкек, 1992. – С. 54.
4. Сорман Г. Выйти из социализма. Пер. с франц. – М., 1992. – С. 114.
5. Андреева З., Абдурашитов Ю., Алинбетов Э. Минарет или маяк? О том, как в нашем минарете пытались "спрессировать" историю // Слово Кыргызстана. – 2001. – 11 мая.

А. А. Брудный,

*доктор философских наук, профессор направления "Психология",
руководитель психологической лаборатории АУЦА*

Психология цивилизации

Психологию цивилизации нередко относят к "инвайронментальной психологии" (environmental psychology), изучающей "взаимосвязи между поведением человека и

средой, сконструированной им или естественной”¹ Основанием для этого служит то, что одной из популярных идей психологии цивилизации является “экополис” – форма городского поселения, способного преодолеть сложившийся на протяжении тысячелетий разрыв между двумя ведущими началами существования человечества урбанистическим и природным

Нельзя с должной полнотой исследовать и понять систему, являясь ее составной частью Цивилизованный человек – составная часть города (город – это и люди, и стены), и наши попытки исследовать и понять город будут продолжаться и останутся незавершенными, пока города существуют Деревню, говорит старая пословица, создал Бог, город построили люди Но вполне возможно, что деревня покинет историческую арену непонятой, и еще неизвестно, какова будет судьба будущих городов Не исключено что экополисы станут модулями будущих социоэкологических систем, а традиционные города останутся фактами исторического значения, но не более

Возвращение в природу представляет собой психологически мощный импульс, отвечающий самой сущности индивидуального и коллективного бессознательного Если задаться вопросом, кому мы обязаны появлением на свет, кто прекрасен но, в сущности, незащищен, от кого мы зависим и кем мы, одновременно, пренебрегаем, кто, наконец, отомстит нам за непонимание и значение связи с ней – ответ будет один это Женщина На самом деле, это Природа Эрос и Танатос, в полном соответствии с идеями З Фрейда, лежат в основе нашего взаимодействия с природой, но вобладать должна одна из этих могучих сил До сей поры власть Танатоса в этой сфере доминирует Экополис – едва ли не единственный шанс для Эроса вобладать в сфере взаимодействия человека с природой Это отвечает самой сущности человека Подлинная (и вытесненная из социальной памяти) идея Дарвина состоит в том, что человек есть продукт полового отбора Это зафиксировано со свойственной великим умам точностью в наименовании его основополагающего труда² Вполне возможно, что в мире, где частная жизнь и частная собственность будут означать освобождение индивида от давления общества, человек вновь станет смотреть природе в глаза, осознавая, что общество – не более, чем посредник Посредник всегда стремится заслонить подлинного хозяина

В Евразии идея Экополиса имеет особое культурно-историческое значение Азиатские, и прежде всего – центральноазиатские, города с их влечением к зелени, тени, проточной воде, тишине (как и неизменные огороды русских уездных городов) отражают определенный уровень взаимодействия с природой, который поддается модификации Вне всякого сомнения, здесь присутствуют элементы некоторой спонтанности, самоподдержки, устойчивости которые заслуживают социологического анализа

Стоит задуматься над тем, что внутренняя свобода человека наступившего тысячелетия есть свобода в обществе и, частью, даже свобода от общества Не явится ли Экополис некоторым условием и символом свободы в XXI и последующих веках? Не тот ли это “зеленый пожар”, в котором сгорит зависимость человека от нечеловеческой власти общества? Оно необходимо, и это очевидно, но у него должно быть свое место в жизни человека и биосферы

Fisher J Bell P, Baum A. *Environmental Psychology* Philadelphia, 1984 p 6

¹ “Происхождение человека и половой отбор” (1871)

Современная психология склонна рассматривать человеческую жизнь как проект. Возможно, что и проекту “Экополис” свойственны существенные черты жизни – спонтанность, тенденция к воспроизведению, опора на архетипы коллективного бессознательного, стремление освободиться от диктата единообразия и всеподавляющей власти причинности. У Экополиса есть душа и не исключено, что она бессмертна.

Зигмунд Фрейд, как известно, развел и противопоставил принцип реальности и принцип удовольствия. Истинная и полная реализация принципа удовольствия есть контакт живого существа с живым существом, малыша с матерью, мужчины с женщиной. Сублимация этого контакта носит знаковый, прежде всего – речевой характер. В сущности, все общество пронизано соединительной тканью знаков: денежные купюры, государственные гербы и флаги, вывески и торговые марки, наконец, просто производимые слова – все они семиотичны, все они образуют систему опосредованных контактов между людьми.

Общество есть продукт опосредованного контакта.

Реальность может быть преодолена и трансформирована иллюзорно, с помощью знаков, в образном выражении. Но по-иному обстоит дело, когда противоположность удовольствия и реальности снимается. Это происходит при непосредственном контакте: удовольствие становится реальностью. Мы знаем, что при этом происходит создается человек. Человек есть продукт непосредственного контакта.

Общение есть факт опосредованного и предпосылка непосредственного контакта.

Итак, когда общение переходит в реальность, удовольствие и реальность сливаются воедино (Eros) либо, напротив, происходит их окончательный разрыв (Thanatos).

Великий философ XX века Ортега-и-Гассет сказал: человек есть то, что он есть, и то, чего у него нет, чего ему не хватает.

В свете того, о чем мы только что говорили, Eros есть *Aufhebung*, снятие этого великого противостояния: в момент живого и непосредственного контакта человек – только то, что он есть, но при этом он утрачивает единство, он как бы становится двумя людьми одновременно.

Но общество, закономерный продукт трудовой деятельности, есть, как уже отмечалось ранее, продукт опосредованного контакта. Не отсюда ли *вечность* посредника в жизни общества? Посудите сами: в бизнесе, торговле обязательно существует посредник между производителем и покупателем – это дилер, купец, приказчик; в церкви неизменно присутствует священнослужитель – это посредник между нами и высшим существом, которое мы чтим, между людьми и небом, в школе постоянно необходим учитель, посредник между знанием и учащимися.

Таким образом, человеку всегда нужен другой человек, а общество помещает между ними посредника. Допустимо предположение, что, кроме принципа удовольствия и принципа реальности, необходим и принцип опосредования. Его реализацией является собственность – в цивилизованном мире и знак – в человеческом обществе, на каком бы уровне развития оно не находилось.

По выражению Б. Брехта, цивилизация позволяет сделать мир “пригодным для проживания местом”. Всем известно слово “землепользование”. Так вот, по аналогии, цивилизацию можно назвать “жизнепользованием”. Жизнь, как и то, что ее порождает – два пола – даны человеку природой, и он пользуется жизнью. Точнее, цивилизация – это исторически определенная форма жизнепользования.

Жизнь принадлежит к числу восьми экзистенциальных благ и, в силу этого, обладает огромными мотивационными возможностями. Настолько большими, что они требуют контроля в процессе их реализации.

Поставим вопрос: зачем цивилизация? (в чем ее функция?). Цивилизация есть система самосохранения общества, задающая известные формы удовлетворения человеческих потребностей. Но что это значит? Это значит, что в обществе постоянно действуют силы, способные его разрушить. Эти силы связаны с удовлетворением потребностей людей. И только цивилизационным путем можно смирить эти силы, потому что человек способен удовлетворять свои потребности за счет других.

Что же это за потребности? А это ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ потребности, и базисная среди них – потребность мужчины в женщине и женщины в мужчине. Ее результат – дети. Не будь детей – не было бы и общества.

Как говорит Г.К. Честертон, “индивидуально каждый человек во всех своих действиях – сне, еде, размышлениях – руководствуется велениями разума. Но в целом человечество изменчиво, склонно к мистицизму, взбалмошно и, в общем, довольно, симпатично. Люди суть люди, но Человек есть женщина”¹.

Вполне допустимо, что возможности женщин в социальных структурах и процессах реализованы еще недостаточно, а эти возможности более адекватны самой природе человечества, чем мы предполагаем.

В нашей психике играют значительную роль такие психические силы, как Танатос и Эрос, их соотношение, которое не полностью совпадает у женщин и мужчин. Танатос, или влечение к смерти, противостоит Эросу, или влечению людей различного пола друг к другу. Чем больше группа, тем больше Танатос. “На миру и смерть красна”, – говорят русские, и говорят правильно. Напротив, Эрос индивидуален. Он связан с взаимным выбором и, в конечном счете, – с преодолением тени смерти, которая лежит на индивидуе и реализуется в его Танатосе.

Как именно осуществляется взаимный выбор – тайна. Во всяком случае, Эрос способен создавать истинно человеческую реальность. Эрос лежит в основе доверия. Он позволяет людям взаимодействовать, заключать союзы, объединять противоположности.

Эрос, естественно, связан с чувством удовольствия, и именно с него начал строить свою конструкцию личности Фрейд. И лишь в дальнейшем он принял идею Сабины Шпильрейн, предположившей, что Эросу противостоит Танатос².

На формирование научных парадигм оказывают решительное влияние фактические, методологические и существующие во вненаучном сознании факторы. Так и на теорию влечений Фрейда в конечном счете повлияли как его собственные клинические наблюдения, так и методологические соображения, связанные с классическим представлением о взаимодействии противоположных сил и тенденций, а затем и вненаучные перемены в массовом сознании, связанные с небывальными доселе масштабами гибели людей в мировую войну.

¹ Честертон Г.К. Наполеон из Ноттинг-Хилла//Зарубежная фантастическая проза прошлых веков: социальные утопии. – М., 1989. – С. 435

² О том, что он употреблял термин “Танатос” известно только от Э. Джонса, хотя о некоем, разрушении, Фрейд писал.

Плутос (Ploutos), нередко характеризующийся как “бог богатства”, в сущности выступает как “бог собственности” – первоначально он оделяет тех, кому покровительствует, стадами и всякого рода запасами, а затем обращается во владыку подземного царства, которому принадлежат талящиеся в земле сокровища и души покойных

Пифагорейцу Арезасу из Кротоны приписывали попытку подразделить в душе человеческой три начала: разумное, мужественное и алчущее. Это едва ли не первое в психологии обращение к Плутосу как одной из сущностных сил человека. Аристофан в комедии “Плутос” обращает особое внимание на случайный “лотерейный”, как сказали бы в XXI веке, момент в распределении собственности – боги нанимаются служить разбогатевшему по слепой воле поденщику Шарль Бодлер ставит Эрос и Плутос рядом как воплощение главнейших искушений¹

Влечение к обогащению, к собственности по руссоистской традиции изображается как психологическое проявление и следствие существования в цивилизованном обществе. Между тем, этологические исследования показывают, что дело так просто не обстоит: момент присвоения пищевых запасов и защиты территории, несомненно, имеет место в поведении животных, а, как говорил Тоулмен, “поведение пахнет целью”

Хотелось бы особо отметить, что Плутос, вытесненный и погруженный в бессознательное, полностью подобен Эросу: он проявляет себя в ослышках и обмолвках и составляет важную часть психопатологии обыденной жизни, оставленную без внимания Фрейдом – и, думается, не случайно, ибо великий ученый столь же подвластен открытому им вытеснению, сколь и его пациенты

Как говорит М. Слюцки, “поскольку все больше времени проходит в синтезированном (в смысле “изготовленном” – А.Б.) окружении, сама жизнь обращается в товар. Кто-то делает *это* для нас, мы покупаем *это* у них. Мы становимся потребителями собственной жизни”. Но Дж. Рифкин² и М. Слюцки не ставят акцент на главном: число тех, кто торгует, превосходит число тех, кто производит. Конечно, это изменяет образ жизни. Шопинг, прогулка по магазинам, обращается в особый вид отдыха, который современные исследователи (назову, в частности, О. Аронсона) называют *присутствием*, то есть специфическим ощущением подлинности окружающего мира. Он таков, потому что он состоит из вещей, которые можно купить. Наряду с Эросом в нашем бессознательном поселяется Плутос. Когда мне тяжело или просто не по себе – я иду и что-нибудь покупаю. Это ощущение знакомо всем и является частным примером того удовлетворения, которое индивид испытывает, приобретая, храня и тратя деньги

Универсальный символизм денег, в свою очередь, есть выражение бессознательного существования Плутоса, обладающего всеми признаками ведущих начал, существующих в бессознательном. Подобно Эросу, он проявляет себя в оговорках (Г. Греф, выступая по телевидению, говорит “Ханты – Мансийский акционерный округ”), прячется за эвфемизмами (“капуста” как наименование денежных купюр), суммы трат, приобретений, ставок постепенно приобретают черты интимности, не оглашаются и т.д.

¹ См. Бодлер Ш. Искушения или Эрос, Плутос и слава // Иностранная литература – 1989 – №1 – С. 131–132. Любопытно, что Бодлер выступает здесь прямым предшественником классического психоанализа, утверждая, что искушения “пользуются бессилием спящего человека и невидимо с ним общаются” (С. 131).

² Приводится по: Rifkin J. The Age of Access. NY, 2001. p. 171.

Но Плутос поселяется в человеке как социальном существе, живущем в мире общения, где строма заслоняет мир реального. Как правильно отмечает С. Жижек, современная цивилизация становится миром инверсии. Приобретенный продукт репрезентирует свое тождество со знаком: платье репрезентирует моду, марка автомобиля – образ жизни так же, как ученая степень репрезентирует принадлежность своего обладателя к престижной страте интеллектуалов. Постепенно мир обращается в переживание наличия/отсутствия средств к существованию, а существование в совокупность и последовательность переживаний. Разумеется, они относимы к сфере противостояния Эроса и Танатоса, но диаметр этой сферы, а проще – ее величина, зависят от Плутоса, от бессознательного символа нашего приобщения к цивилизации, от этой конкретной формы человеческого существования.

Неотъемлемым условием человеческого существования служит свобода.

Свобода мысли и деятельности, условная свобода игры, порождением которой является в конечном счете текст, свобода-сна – при этом моя, индивидуальная. Осмысленная свобода воли, конечно, стеснена, но разве это не *мой* сон и то, что мне снится, не *свободное* творчество моего бессознательного?

Со сном связана одна из замечательных религиозных идей Востока: идея о том, что наше личное существование, как и вообще существование мира – лишь сон творца. Иными словами, абсурд индивидуального существования получает полное и логически непротиворечивое объяснение: высший смысл бытия находится вне нашего индивидуального бытия. А реальность, всеподавляющая реальность, частью которой является и наше существование, есть реальность сна и столь же непреодолима. Вспомните Фрейда: в сновидении логика и воля индивида ограничены высшей необходимостью сна, человек как бы обращается к нему – да, да, ты прав, только дай мне спать. Так и к реальности обращена наша главная и вечная мысль: да, да, ты права, но дай нам жить. Однако жизнь в цивилизованном обществе предполагает выход сна за назначенные ему природой пределы. Результатом этого явился виртуальный мир, который обладает своей спецификой существования, которая представлена на схеме. Выступающий в ее центре мнимый параллелепипед может служить и символом монитора, и символом выходящего за пределы реальности сна.

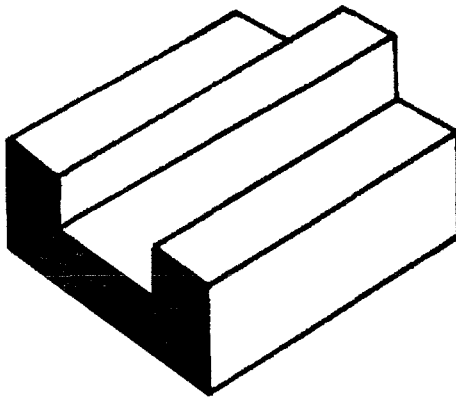

Схема 1.

На схеме представлены (1) физическая реальность (окрашена черным цветом) и (2) реальность человеческого существования, включающая сновидения и виртуальную реальность (очертания параллелепипеда в центре справа)

В развитии цивилизации находит глубинное отражение изоморфизм телесного, орудийного и знакового уровней человеческого существования.

Цивилизация трансформирует свойства человека как родовому существу интенции; то, что называется человеческим измерением цивилизации, включает в себя модификацию присущих индивиду черт и особенностей, причем в форме, допускающей и даже предполагающей технизацию.

Человеку свойственно самопорождение на трех уровнях: биологическом, орудийном и семиотическом, причем если не процесс, то его конечный результат полностью социализирован. На всех трех уровнях человек преодолевает и видоизменяет заданную обществом модель. Касаясь, например, орудийного уровня, заметим, что максимум эффективности воплощен в орудии самоуправляемом, причем исторический прообраз таких орудий возникает еще в античные времена: Л.С. Выготский разделял мысль о том, что "для древних раб был самоуправляющимся орудием, механизмом с регуляцией особого типа"¹. Регуляция эта происходила при помощи речевых команд. Проблема орудий подобного типа, целиком искусственных и специализированных, – проблема Големов² – привлекает внимание именно в связи с определением границ их человекоподобия. Обращаясь к знаковому уровню, подчеркиваем, что омонимия слов *команда* – приказ действовать и *команда* – слаженная группа исполнителей весьма интересна в смысловом отношении. В свое время Дж. Лондон писал: "Теперь я знаю, какую роль играет капитан Уэст на борту "Эльсиноры". Он – ее мозг. Матросы – пешки, а два помощника капитана – фигуры, которыми он ведет игру против моря, ветра, времени года и морских течений. Он – тот, кто знает, а они – его язык, с помощью которого он передает свои знания"³. Один из моих коллег, яхтсмен и превосходный стилист, вполне соглашаясь с тем, что команда – это язык капитана, замечал при этом, что слова очень самостоятельны в своих значениях.

Психосемиотический аспект участия человека в коммуникативном процессе заслуживает специального исследования. Некогда идеал коммуникативной функции знака был воплощен непосредственно в человеке – в гонце, устно передающем сообщение. Нет ничего невозможного в том, что *единство* сообщения и средства сообщения породит в будущем новые формы коммуникативного существования знаков. Появятся тексты, способные к определенной смысловой автономии, к самостоятельной коррекции своего содержания.

Сейчас это тексты, которые поддаются цифровой вариации. Цифровые искусства сегодня – это вид искусства, порожденного технической цивилизацией. Но все эти игры, к которым с несколько снобистским презрением относится интеллектуально развитый индивид, погруженный в мир культурных достижений и катастроф своей эпохи, имеют истинно культурную перспективу. Как предвестием лирики Пушкина

¹ Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – М., 1960

² Замечу, что один из наиболее известных трудов на эту тему озаглавлен Винером "Бог и Голем Инкорпорейтед" См. Wiener N. God & Golem Inc. – Cambridge (Massachusetts), 1964

³ Лондон Дж. Мятаж на Эльсиноре – ПСС. – Т 16 – М.-Л., 1929 – С 79

кина были стихи, записанные в альбом столичной или даже провинциальной барышни; как предвестием лирики Блока был уличный и цыганский романс; как предшественником современной кинематографии было зрелище едва ли не балаганное – так нынешние дигитальные игры еще станут вспоминать как детские развлечения на пороге нового мира искусств виртуального пространства. Мы еще не знаем, что они собою будут представлять, но они будут связаны с голографией, телевидением, новыми формами чтения. Динамика существования виртуального мира станет спонтанной.

Обратимся к основному уровню самопорождения – биологическому, и еще раз вспомнив о роли, которую Дарвин приписывал половому отбору, мы сможем найти новые подходы к эволюционной интерпретации зарождения и динамики цивилизации. Вступив в борьбу с естественным отбором и победив его, цивилизация не теряет надежды на победу над половым отбором.

Но мне представляется, что клонирование – это не путь к победе над порождением индивида половым путем. Скорее всего, клонирование станет методом производства “запасных частей” для индивида. У каждого из наших потомков появится свой “дзисай” (как его именуют в японском фольклоре) – органическое, но не социальное существо, биологический двойник, способствующий замене изношенных органов своего оригинала. Таким образом, Танатос станет или, точнее, может стать одним из средств продления индивидуального существования.

Если смысл жизни состоит в том, чтобы она продолжалась (а это именно так), то не исключено, что Эрос, Плутос и Танатос обретут основу для смыслового взаимодействия. Это дело недалекого будущего.

А. У. Джакишев,
кандидат исторических наук,
преподаватель направления “Право”

Исторический опыт взаимодействия органов милиции Кыргызстана и общественных формирований в охране правопорядка (1924–1990 гг.)

Провозглашенная в Конституции (1993 г.) суверенного Кыргызстана стратегическая цель – построение правового и демократического государства, предполагает гарантированную защиту прав и свобод граждан, их безопасность, при условии активной позиции и участия граждан в деле укрепления и поддержания правопорядка. Созданная в странах западной демократии эффективная система борьбы с преступностью своим существованием во многом обязана населению, которое считает своим граж-